

Гимназія 60-хъ годовъ.

(Метаморфоза).

поступилъ въ гимназію въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ. За протекшее съ тѣхъ поръ полустолѣтіе многое, конечно, основательно забылось, но нѣкоторые факты и лица такъ глубоко врѣзались въ память, что и теперь встаютъ предъ глазами, какъ живые. Полагаю, что повѣствованіе о нихъ не будетъ лишено интереса для людей, не пережившихъ того періода, но любящихъ вообще „смотре́ть назадъ“ и интересующихся узнать, что и какъ происходило за предѣлами ихъ собственной памяти.

Однимъ изъ отзвуковъ „вѣяній“ той эпохи для нашей гимназіи, какъ и для другихъ учебныхъ заведеній, было между прочимъ то, что приливъ новыхъ учениковъ сталъ быстро превышать емкость зданій, и пришлось спѣшно приступить къ постройкѣ новыхъ зданій.

Наша гимназія стояла въ районѣ Чернаго моря и если-бы не случайная близость черноморской столицы, Одессы, съ ея школами, она должна была бы удовлетворять выросшимъ потребностямъ цѣлой губерніи.

Но вмѣстѣ съ перестройкою школьныхъ зданій эпоха эта вызвала необходимость также и во внутренней перестройкѣ людей, составлявшихъ школу. Объ одной такой перестройкѣ человѣка я и затѣялъ настоящее повѣствованіе.

Я подготовлялся у ученика какой-то другой гимназіи, который случайно заѣхалъ въ нашъ городъ отдохнуть за каникулы и не прочь былъ покрыть свои расходы случайнымъ заработкомъ. Учи-

тель и ученикъ были одинаково усердны, и къ концу занятій, длившихся мѣсяца 2—3, первый заявилъ, что второй можетъ поступить прямо во второй классъ.

И дѣйствительно, экзамены у меня пошли блистательно вплоть до экзамена по географіи. Меня готовили по учебнику Одосовскаго (или Ободовскаго?) изданія Министерства Нар. Просв. Первая глава этой книги, дававшая краткое понятіе о космосѣ и носившая подзаголовокъ „физическая географія“, предназначалась для маленькихъ учениковъ низшихъ классовъ, а послѣдняя—для взрослыхъ учениковъ послѣдняго класса.

Разница между первыми и послѣдними главами была не въ манерѣ изложенія, которая была одна и та же для приготовительнаго и для послѣдняго класса, а по своему содержанію. Первая глава была даже серьезнѣе, чѣмъ послѣдняя (описаніе тогда еще очень мало обследованной Австраліи), и способъ ученія былъ для всей книги одинъ и тотъ же—зубрячка, но почему-то нумерація главъ возростала вмѣстѣ съ нумераціей класса.

Космосъ меня чрезвычайно заинтересовалъ, и я усвоилъ его такъ быстро и такъ основательно, что ввелъ своего юнаго учителя въ заблужденіе: вообразивши, что я все могу учить такъ же успѣшно, онъ задалъ мнѣ и изъ слѣдующей главы такой же большой урокъ. Но эта глава, по подзаголовку именованная „общимъ описаніемъ частей свѣта“, не поддавалась никакому пониманію и даже не требовала такового: нужно было только вызубрить и помнить, что въ Азіи имѣются Янъ-дзе-Кіангъ, Бендеръ-а-Басъ и еще что-то и еще что-то, а въ другихъ частяхъ свѣта имѣются Гвадалквивиръ, Попокатетепль и еще какія-то „трудныя слова“.

У меня все время ушло на то, чтобы научиться читать эти слова по книгѣ безъ рѣзкихъ записокъ, а ужъ о томъ, чтобы помнить ихъ наизусть, да еще знать, что такое Попокатетепль: гора, рѣка, островъ... или знать, въ какой именно части свѣта онъ или она находится,—объ этомъ конечно не могло быть и рѣчи, а между тѣмъ такихъ названій тамъ было нѣсколько таблицъ, вродѣ: „Пекинъ, Нанкинъ и Кантонъ“ или... простите, ей Богу, не помню больше!..

Кончилось тѣмъ, что я къ экзамену никакъ не могъ поручиться, что именно Везувій дышетъ огнемъ, а не Пекинъ или Янъ-дзе-Кіангъ. Усердныя же старанія мои приготовиться къ отвѣтамъ на такіе вопросы привели лишь къ тому, что я на вѣкъ возненавидѣлъ переплеты, оклеенные такою бумагою (мраморною), какою оклеивались изданія Мин-ва Нар. Пр. Меня этотъ рисунокъ прямо раздражалъ...

На экзаменѣ же страслась еще одна бѣда.

Люди въ нашей мѣстности вообще не отличаются бѣлизною кожи, а моя смуглость превосходила даже мѣстную норму, особенно—къ концу лѣта (а вступительные экзамены вѣдь и бывають въ началѣ августа). Прозвище мое, даже среди моихъ земляковъ, было „цыганъ“, къ экзамену же я явился совсѣмъ обугленный.

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, экзаменаторъ вздумалъ спросить меня, что я знаю о „черныхъ людяхъ“ (неграхъ). Я принялъ это за намекъ на меня самого, за насмѣшку и, будучи болѣзненно самолюбивъ и стыдливъ, такъ растерялся и надулся, что самъ экзаменаторъ опѣшилъ: посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ и вывелъ себя изъ затрудненія тѣмъ, что поставилъ мнѣ „коль“.

Экзаменаторъ этотъ былъ гимназическій учитель Николай Николаевичъ Ш.—герой моего разсказа.

Онъ былъ великороссъ, которыхъ у насъ и называютъ и дразнятъ „кацапами“, и говорилъ на распѣвъ, произнося на о и нѣсколько въ носъ.

Въ городѣ у насъ было очень мало „кацаповъ“ съ такимъ выговоромъ, а тѣ, которые были, почти всѣ занимались бочарнымъ ремесломъ („бондари“) и повязывали голову ремешкомъ.

У меня въ умѣ настолько сплелись понятія о „кацапѣ“ и о „бондарѣ“, что я и Н. Н. Ш. счелъ за бондаря, сбросившаго ремешокъ съ головы и перемѣнившаго клепки и обручи на карты и глобусъ

Этотъ взглядъ на учителя Ш. еще болѣе утвердился во мнѣ впослѣдствіи, когда я услышалъ, какъ Н. Н. размахисто ругается въ классѣ и вообще мало въ чемъ себя стѣсняетъ.

Въ городѣ всѣмъ было извѣстно, что только тѣ навѣрняка выдерживаютъ вступительный экзаменъ, которые „готовились“ у Ш., и что большинство провалившихся обязаны своимъ проваломъ экзамену именно по географіи, а потому—какъ ни бѣдны были мои родные,—они и меня послали „взять урокъ у Ш.“, снабдивъ меня синенькой бумажкой, которую тогда называли „ассигнаціей“, которая мнѣ казалась цѣлымъ капиталомъ, и которая мнѣ причинила такъ много заботъ, пока я ее несъ, что я поспѣшилъ сунуть ее Ш.—у въ руки еще до урока, хотя мнѣ приказано было отдать ее послѣ урока.

Дома „бондарь“ меня поразилъ своею привѣтливостью, которая была тѣмъ поразительнѣе, что напоминала улыбку медвѣдя, если только вы можете себѣ представить улыбающагося медвѣдя...

За этотъ урокъ (единственный) я ничего новаго не услышалъ, однако въ гимназію, во второй классъ, я попалъ, и даже—безъ переэкзаменовки... Вѣроятно „единицы“ для того и существовали, чтобы „пятерки“ ихъ передѣлывали въ „четверки“...

(Извините, я не хотѣлъ скаламбурить, это само написалось...)

Дидактическій приѣмъ этого добраго и иначе милаго человѣка, но—сына своего, дореформеннаго времени—такъ же отдавалъ обломщиной, какъ его невыпрямленная, хотя и красивая фигура, его апатичный, хотя и отчетливый говоръ въ носъ и все пр. Приѣмъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Николай Николаевичъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, совершивши обрядъ записыванія въ журналъ отсутствующихъ учениковъ и извергнувши всѣ тѣ ругательства, которыя требовались для успокоенія класса, еще не пришедшаго въ порядокъ послѣ игръ во время перемѣны, опирается обѣими руками въ столикъ, чуть не кряхтя подымаетъ свою довольно замѣтно уже оплывающую большую фигуру и направляется къ доскѣ. Но по обыкновенію изъ лѣни не выпрямляется во весь ростъ, а потому онъ не сходитъ, а будто—сбрасываетъ самъ себя съ каѳедры. При этомъ онъ каждый разъ забываетъ, что нужно захватить съ собою также и каблукъ отъ сапога, вслѣдствіе чего каблукъ задѣваетъ край каѳедры и Н. Н. не подходитъ, а валится къ доскѣ. Упершись въ нее руками, чтобы не клюнуть носомъ, онъ сердито, но безъ злобы (таковой у него въ душѣ вовсе не было) оглядывается на виноватую во всемъ этомъ каѳедру, отпускаетъ по ея адресу одно изъ выраженій своего интимнаго словаря, „плюетъ ей въ рожу“ (заимствую изъ того же словаря) и беретъ за мѣлокъ.

Ученики, за его спиной, принимаются за свое: втихомолку играютъ въ „тѣсную бабу“, лазятъ по партамъ, швыряютъ другъ въ друга книгами и увѣшиваютъ потолокъ чертиками.

На доскѣ за это время вырастаетъ цѣлая страна (недурно начерченная отъ руки карта), съ горами, рѣками, морями, городами и проч.

Какая бы страна на доскѣ ни появилась, это безразлично, рассказъ о ней неизмѣнно слѣдуетъ все одинъ и тотъ же: съ сѣвера граничить... Поверхность ея... Орошеніе составляютъ и т. д. вплоть до перечня городовъ, которыхъ дается отъ одного до десяти (смотря по странѣ).

Послѣ этой „лекціи по шаблону“ слѣдуетъ обрядъ спрашиванія предыдущаго.

— „Ну, восклицаетъ глава класса, ѣе безъ досады на необходимость выбрать жертву, „кто тамъ?“ „Ну, ты, что-ли!“

„Ты“, указанный пальцемъ бѣлой, красивой, но далеко не холенной руки, подымается съ мѣста, и напутствуемый щипками и толчками вылѣзаетъ изъ промежъ партъ, отправляется къ доскѣ и стираетъ ее. Дается тема, и начинается у доски черченіе, а на

партахъ возня подь учительскимъ глазомъ. Возня не малая, ибо „глазь“ углубленъ въ безцѣльное созерцаніе журнала, при чемъ голова лѣниво покоится на сложенныхъ рукахъ, которыя также лѣниво покоятся съ растопыренными локтями на столѣ.

Отъ времени до времени, впрочемъ, „глазь“ подымается, но лишь на такое короткое мгновеніе, какое требуется для произнесения одного изъ тѣхъ словечекъ, которымъ приписывалось магическое свойство усмирять расходившійся классъ.

Чертежь на доскѣ оконченъ. „Ты“, стоящій у доски, начинаетъ свой рассказъ по шаблону: „съ сѣвера граничить“ и „жарить“, жарить, жарить безъ остановки, а съ кафедры все это время раздается ровное сопѣніе, сначала *piano*, потомъ *crescendo*, *crescendo*. Но вотъ „Ты“ дошелъ до послѣдняго города и замолкъ: сопѣніе моментально обрывается, голова пожимается, прописывается балль и къ доскѣ отсылается другой „Ты“...

Этотъ „Ты“ знаетъ, что балль всецѣло зависитъ отъ степени *crescendo*, до котораго дойдетъ кафедральное сопѣніе: если дойдетъ до *forte assai*, будетъ пятерка, а то—и съ плюсомъ, при *piano-pianissimo* будетъ двойка и т. д., съ этимъ онъ и соразмѣряетъ свой рассказъ. Если послѣ послѣдняго города на кафедрѣ все еще довольно *piano*, онъ вслѣдъ за городомъ безъ перерыва продолжаетъ: „съ сѣвера граничить“ и слѣдуетъ опять вся панорама *Da Capo al Fine*.. Если это наскучитъ, то вмѣсто „съ сѣвера граничить“ начинается: „по улицамъ слона водили“ и т. д., пока не достигнется цѣль, т. е. пока съ кафедры не послышится легкое всхрапыванье. Тогда ораторъ можетъ оборвать на любомъ мѣстѣ въ увѣренности, что балль будетъ хорошій. Забавно выходило, если ораторъ удачно подбиралъ слово, на которомъ обрывать „урокъ“. Особенно ловко продѣлывалъ это Бѣлунъ, отличный ученикъ, но дерзкій и необычайно смѣлый шалунъ. Оборветъ напр. на возгласѣ „услужливый дуракъ“ и заставитъ голову поднять какъ-бы въ откликъ на призывъ.

Визави съ домою моихъ родныхъ стоялъ трехъ-оконный домикъ, типичной провинціальной постройки.

Домикъ этотъ, съ садомъ позади и просторнымъ палисадникомъ на улицу, утопалъ въ листовѣ деревьевъ и кустовъ, такъ-что проникнуть глазамъ сквозь эти живыя жалюзи во внутренность дома не было никакой возможности. Не видалъ я также, чтобы когда-нибудь отпирались ворота у этого домика или расхлебшилась бы калитка, и я, знавшій всѣхъ лошадей, всѣ экипажи, всѣхъ кучеровъ и водо-

возовъ въ городѣ, не могъ бы сказать, есть ли во дворѣ этого домика телѣга или лошадь и пр.

Тѣмъ не менѣе отъ домика съ акуратненько убраннымъ садикомъ не несло мертвечиной: отъ него пахло уютной тишиной, старческимъ покоемъ: въ немъ жила „бабушка“.

Быль ли кто-нибудь изъ нашей многолюдной семьи знакомъ съ „бабушкой“, имѣль ли кто-нибудь съ нею дѣла,—не знаю, но занимала она нашихъ и разговоровъ о ней у насъ было не мало; изъ частыхъ разговоровъ этихъ я узналъ, что кромѣ „бабушки“ существуетъ еще и „внучка“. Эта внучка уѣхала: она учится въ институтѣ. Вотъ все, что я могъ бы тогда сообщить объ обитателяхъ трехъ-оконнаго домика, а теперь имѣю сообщить нѣчто, совсѣмъ иное...

Въ одинъ прекрасный день многолюдная дамская половина нашего дома пришла въ необыкновенное волненіе:—пріѣхала бабушкина внучка!

Кого это касалось, кромѣ „бабушки“ и почему касалось—сказать не могу, но цѣлый день бабушкину внучку и ея возвращеніе окончившею курсъ наукъ склоняли и спрятали въ домѣ въ нѣсколько голосовъ, безъ умолку и съ большимъ оживленіемъ.

Во мнѣ эти усиленные толки лишь заронили мысль, что „бабушкина внучка“ должно быть не просто дѣвица, а какое-то совсѣмъ необыкновенное существо. Внушить себѣ такое убѣжденіе для меня было тѣмъ легче, что я собственно никогда не видѣль ни „бабушки“, ни „бабушкиной внучки“, да и не любопытствовалъ увидѣть ихъ, а то, что о нихъ говорили, я или не слушалъ или еще не понималъ.

Прошло сколько-то времени, и до моего слуха дошло, что „бабушкина внучка“ поступила преподавательницей въ школу барышень Г. Это была частная и единственная въ то время русская средняя школа, которая впрочемъ впоследствии получила и формальныя права женской гимназій.

Поступленіе „бабушкиной внучки“ въ учительницы почему-то профанировало ее въ моихъ глазахъ.—Должно быть я тогда думалъ, что учительское дѣло—пошлое дѣло, и что необыкновенныя существа должны или ничего не дѣлать или дѣлать что-нибудь этакое, необыкновенное, а не просто служить, какъ и другіе, при какомъ-нибудь заурядномъ дѣлѣ.

Что всякое дѣло можно опозлить до заурядности, что учительское дѣло само по себѣ вовсе не заурядное, что всякое дѣло можно поднять до „необыкновенности“... мнѣ ничто въ нашемъ городѣ въ тѣ дни не могло подсказать.

Прошло еще сколько-то времени, и новый слухъ о „бабушкиной внучкѣ“ окончательно сбиль меня съ толку: эта „необыкновенная“ вздумала ни больше ни меньше, какъ просто выйти замужъ!... да еще ни за кого иного, какъ за... нашего Николая Николаевича!...

Вотъ такъ фунтъ! Вотъ уже дѣйствительно нѣчто необыкновенное...

А на самомъ дѣлѣ и впрямь вышло нѣчто совсѣмъ необыкновенное.

Нашъ, сопящій и ругающійся Николай Николаевичъ исчезъ вмѣстѣ со своимъ учебникомъ, съ „съ сѣвера граничит'омъ“, съ чертежами, журналомъ, софѣніемъ и пр. Вмѣсто него въ классахъ сталъ появляться какой-то совсѣмъ новый Николай Николаевичъ, дѣятельный, подвижной, еле когда садившійся на свой стулъ учитель географіи, но не той географіи, которая „съ сѣвера граничитъ“, а съ какой-то совсѣмъ новой, интересной, увлекающей и учителя и учениковъ, однимъ словомъ—„необыкновенной“. Учебники тоже появились какіе-то „необыкновенные“: въ младшихъ классахъ одни, съ иллюстраціями, а въ старшихъ—другіе. Даже черченіе картъ стало „необыкновенное“: правильное, легко усваиваемое и пр.

Да и за стѣнами гимназіи, въ обществѣ, появился совсѣмъ новый какой-то молодой человѣкъ, новый Николай Николаевичъ, веселый, добрый, остроумный, вѣчно что-то устраивающій...

Припоминается мнѣ одинъ пикникъ съ участіемъ этого „необыкновенннвшегося“ Николая Николаевича.

На другомъ берегу нашей широкой рѣки, при впаденіи одного изъ ея безчисленныхъ рукавовъ, образовывалась коса, живописно заросшая среди камышей громадными вербами. Живописность мѣстности усугублялась, подчеркивалась—такъ сказать—одинокимъ стоявшей тамъ давно заброшенной, обветшавшей хатой, крытой камышомъ и полуразвалившимся досчатымъ сараемъ при ней. До тѣхъ поръ никто не обращалъ вниманія на это красивое мѣстечко, хотя почти всѣ его знали, ѣздили мимо него по рѣкѣ въ сосѣднюю мѣстность; но вотъ откуда-то появился въ нашемъ городѣ настоящій фейерверкеръ, а по рукамъ заходило приглашеніе подписаться на „Венеціанскій вечеръ“, устраиваемой на этой именно косѣ, съ фейерверкомъ и пр. пикниковыми развлечениями.

Въ условленный день и часъ подписавшіеся нашли у пристани небольшой пассажирскій пароходикъ подъ парами, размѣстившись на немъ, переправились на ту сторону и стали кутить, т. е. пить чай, закусывать привезенными бутербродами; устроились игры, танцы, пѣніе хоромъ и пр., а когда стемнѣло, всѣ усѣлись на травѣ противъ сарая. Вотъ взвилась ракета, другая, третья: темнота ночи и

стѣны сарая стали освѣщаться переменными разноцвѣтными огнями; въ воздухѣ то и дѣло вздымались огненные клубки отъ „римскихъ свѣчей“: то синіе, то красные, желтые, появился экранъ съ нарисованнымъ на немъ „Самсономъ, раздирающимъ льва“, изъ-за экрана шипя брызнула огненная струя, яко-бы изъ пасти раздираемаго льва, затѣмъ еще и еще что-то съ разноцвѣтными огнями и удушливымъ запахомъ сѣры и пороха.

Наконецъ программа фейерверка, а съ ней—запасы и изобрѣтательность фейерверкера истощились, ночь сдѣлалась гуще, на косѣ стало смрадно, пароходъ далъ гудокъ, и всѣ шумно бросились къ берегу. Взобраться на пароходъ по импровизированнымъ сходнямъ при полномъ отсутствіи какого-либо освѣщенія было не совсѣмъ просто. Николай Николаевичъ взобрался на шкиперскую вышку и оттуда энергично распоряжался посадкою пассажировъ, которые шумѣли, визжали, хохотали, ахали, перекликались. Было шумно!.. Но одинъ, звонкій, бодрый голосъ властно перекрывалъ весь этотъ гамъ. Это былъ голосъ Николая Николаевича, но Николай Николаевичъ былъ не тотъ, котораго мы раньше видывали дремлющимъ на каедрѣ, а новый Николай Николаевичъ, котораго вывела изъ дремоты и разбудила „необыкновенная бабушкина внучка“.

Всѣ благополучно взгромоздились на корабликъ, и онъ послѣ короткаго свистка сталъ отчаливать, публика вдругъ присмирѣла:— „ангелъ родился“, что называется... Въ эту минуту общей тишины все еще стоявшій на вышкѣ Николай Николаевичъ простеръ руки въ обезпеченной старой хатѣ и ея зіявшему широкими брешами сараю, сталъ въ драматическую позу и съ неподражаемою комическою торжественностью возгласилъ:

„Прощай, Венеція“!

Старый сарай на безлюдномъ берегу, заросшемъ камышами, непроглядная тьма, клубы удушливаго дыма, и комически-торжественный прощальный привѣтъ, а главное—общее веселое настроеніе сдѣлали эту „географическую“ шутку такою уморительною, что у меня какъ-будто и сейчасъ еще раздается въ ушахъ тотъ взрывъ гомерическаго хохота, который явился послѣднимъ, звучнѣйшимъ аккордомъ веселаго пикника обновленнаго Николая Николаевича...

Да, я теперь понимаю, почему „бабушкина внучка“ заставила людей говорить о себѣ цѣлый день... Я понялъ, что она дѣйствительно была „необыкновенная“, если она сумѣла отыскать и оживить въ душѣ мздоимца-учителя такія струны, чуть было не заглохшія въ тинѣ дореформенныхъ дней, при помощи которыхъ она обратила сонливаго прецептора въ дѣльнаго, трудолюбиваго педагога,

а непристойно ругающагося бондаря въ привлекательнаго члена общества всякой компаніи, симпатичнаго типа „души-общества“, въ лучшемъ смыслѣ слова.

Необыкновенность „внучки“ очевидно состояла въ томъ, что она была изъ тѣхъ женщинъ, которыя умѣютъ не только родить человека, но и переродить ранѣе рожденнаго...

Я не говорилъ о „бабушкиной внучкѣ“ тогда, когда другіе говорили о ней по цѣлымъ днямъ, но вамъ я поговорилъ теперь. Лучше поздно, чѣмъ никогда, и дай Богъ, чтобъ эти запоздалыя строки, вмѣстѣ съ моимъ привѣтомъ, розыскали гдѣ-нибудь на широкой груди нашей необъятной родины „внучку“ здравствующую „бабушкой“ и доставили бы ей случай еще разъ пережить душою давно отжитое прекрасное, въ обильной массѣ котораго тѣхъ дней она не затерялась, а заслуженно удержала за собою значеніе „необыкновенной“.

И да не устанетъ земля русская еще и еще плодить подобныхъ ей и на будущія времена...

Старикъ.

